

ЛОНДОН

Летать я не боюсь. Для среднестатистического пассажира шанс погибнуть в авиакатастрофе, летя обычным рейсом, составляет один к одиннадцати миллионам. Иными словами, вероятность умереть в самолете от инфаркта — в восемь раз выше.

Я подождал, пока лайнер наберет высоту и выровняется, наклонился к соседнему креслу у окна и, пытаясь успокоить, тихо сообщил эти сведения всхлипывающей, вздрагивающей женщине.

— Но, разумеется, когда тебе страшно, статистика мало что значит, — добавил я. — Говорю, потому что знаю, каково тебе.

До этого момента ты пристально смотрела в окно, а теперь обернулась и перевела взгляд на меня, как будто только что заметила, что на соседнем кресле кто-то сидит. Преимущество бизнес-класса: благодаря тому что между сиденьями есть лишние десять сантиметров, чуть сосредоточившись, можно вообразить, будто ты один. И по общему согласию всех пассажиров бизнес-класса никто эту иллюзию не разрушает, не произнося ничего, кроме кратких любезностей и самых необходимых фраз («Ничего, если я опущу

шторку?»). А так как для ног места больше, можно, никак не взаимодействуя, пройти мимо соседа в туалет, достать вещи с багажной полки и так далее; как правило, можно полностью друг друга игнорировать, даже если путешествие длится полдня.

Твое выражение лица я определил как легкое недоумение по поводу того, что я нарушил правило бизнес-класса номер один. Что-то в твоём непринужденно-элегантном костюме — я бы не сказал, что цвета брюк и свитера сочетались, но, полагаю, все зависит от надевшего их человека, — сообщило мне, что экономклассом ты летала давно. Если вообще летала. И тем не менее ты плакала — так разве не ты нарушила установленную границу? С другой стороны, плакала ты, отвернувшись от меня, и ясно давала понять, что не хочешь ничем делиться с другими пассажирами.

Что ж, если бы я воздержался от утешения, это уже была бы чуть ли не черствость — я мог лишь надеяться, что ты мою дилемму поймешь.

Лицо у тебя бледное и заплаканное — и все-таки удивительно красивое, как у эльфа. Или, возможно, красивой ты стала потому, что побледнела и плакала? Всегда питал слабость к хрупкости и незащитности. Я протянул тебе салфетку, которую стюардесса положила до взлета под наши стаканы с водой.

— Спасибо, — сказала ты, выдавив улыбку, взяла салфетку и промокнула под глазом растекшийся макияж. — Но это вряд ли.

Ты снова отвернулась к окну, прислонилась к стеклу, как будто прячась, и тело вновь затряслось от рыданий. Что — вряд ли? Вряд ли знаю, каково тебе? Я в любом случае свое дело сделал и теперь, естест-

венно, оставлю тебя в покое. Я бы посмотрел пол-фильма, а потом попытался поспать, хоть и мог рассчитывать максимум на час сна. Мне редко удается заснуть в самолете — причем не важно, сколько длится полет, — и особенно когда я знаю, что поспать надо. Я пробуду в Лондоне всего шесть часов, потом полечу обратно в Нью-Йорк.

Табло «Пристегните ремни» погасло, и подошедшая стюардесса налила воды в пустые стаканы, стоявшие между нами на широком, массивном подлокотнике. Перед взлетом капитан сообщил, что сегодня ночью перелет из Нью-Йорка в Лондон займет пять часов десять минут. Рядом с нами кто-то уже опустил спинку и укрылся одеялом, а кто-то уткнулся в экран и ждал, когда принесут еду. Стюардесса еще до взлета разносила меню, но и я, и моя соседка отказались. К моей радости, я нашел себе фильм в категории «классика» — «Незнакомцы в поезде» — и уже надевал наушники, когда услышал твой голос.

— Это все муж.

Я повернулся к тебе, держа наушники в руках.

Вокруг глаз у тебя размазалась тушь, напоминая театральный грим.

— Он мне с моей лучшей подругой изменяет.

Не знаю, расслышала ли ты слова о том, что странно все еще называть этого человека лучшей подругой, но у меня, скажем так, и в мыслях не было тебя поправлять.

— Извини, — сказал я, — не хотел вмешиваться...

— Не извиняйся — хорошо, когда людям не все равно. Таких очень мало. Мы же до смерти боимся любых огорчений и тоски.

— Тут ты права, — согласился я, не зная, убирать наушники или нет.

— Думаю, они прямо сейчас трахаются, — всхлипнула ты. — Роберт всегда секса хочет. И Мелисса тоже. В эту самую минуту они на моих шелковых простынях...

Мой мозг автоматически нарисовал картинку: супружеская пара, обоим за тридцать, он зарабатывает, и зарабатывает много, а ты выбираешь постельное белье. Наш мозг — специалист по стереотипам. И иногда он ошибается. А иногда оказывается прав.

— Наверно, ужасное чувство, — сказал я без излишне драматических интонаций в голосе.

— Я умереть хочу, — призналась ты. — Так что на счет самолета ты ошибся. Надеюсь, он рухнет.

— Но ведь впереди еще куча дел ждет, — возразил я, нацепив обеспокоенное выражение лица.

Какое-то мгновение ты просто на меня смотрела. Видимо, дурацкая вышла шутка: время для нее уж точно выбрано неудачно, да и, учитывая ситуацию, нагло вато получилось. Ты ведь сказала, что умереть хочешь, а кроме того, назвала подходящий мотив. Шутка могла показаться неподобающей и грубоватой — или спасительной возможностью отвлечься от не подлежащей обсуждению тоски. Comic relief¹ — вот как это называется; во всяком случае, когда прием срабатывает. И все же я пожалел о своих словах — да, даже дышать перестал. Потом ты улыбнулась. Улыбка в ту же секунду исчезла, как рябь с лужи, но я снова задышал.

¹ Разрядка смехом (англ.).

— Не переживай, — тихо сказала ты. — Умру только я.

Я непонимающе на тебя смотрел, но ты избегала моего взгляда и косилась в сторону, на салон.

— Там во втором ряду младенец, — заметила ты. — Младенец в бизнес-классе, и он, возможно, всю ночь проплачет — что ты на это скажешь?

— А что тут говорить?

— Что родителям стоило бы понять: люди заплатили больше за то, чтобы здесь сидеть, потому что им надо поспать, а может быть, завтра утром им ехать на встречу или на работу.

— М-да. Пока авиакомпании пускают младенцев в бизнес-класс, остальное на совести родителей.

— Тогда надо авиакомпании штрафовать за то, что нас обманывают.

Ты осторожно вытерла под вторым глазом, взяв вместо салфетки, что я тебе дал, свой бумажный платок.

— В рекламе бизнес-класса пассажиры сладко спят.

— В перспективе авиакомпанию ждет наказание: мы будем не готовы платить за то, что не получим.

— Но зачем они так делают? — спросил я.

— Родители или авиакомпании?

— Понимаю: родители поступают так потому, что денег у них больше, чем совести. Но ведь авиакомпании должны терять деньги, потому что предоставляемые в бизнес-классе услуги теряют в качестве?

— Они также потеряют репутацию, если будут говорить, что не очень рады детям.

— Ребенку плевать, где плакать — в бизнесе или в экономе.

— Ты прав, я имела в виду — не очень рады родителям с маленькими детьми.

Я улыбнулся:

— Авиакомпании боятся, что со стороны все это будет напоминать апартеид. Естественно, проблему можно решить: те, кто плачет в бизнес-классе, отправляются в эконом и уступают место довольному, не верящему в происходящее человеку, купившему дешевый билет.

Смех у тебя был мягкий и приятный — на этот раз он добрался до глаз. Легко подумать — и я подумал: непонятно, зачем изменять такой красивой женщине, но тут уж как есть. Дело не во внешней красоте. Да и не во внутренней тоже.

— Чем занимаешься? — спросила ты.

— Я психолог, провожу исследования.

— Что исследуешь?

— Людей.

— Ну естественно. Что ты узнал?

— Что Фрейд был прав.

— По поводу чего?

— Что люди, за редким исключением, ничтожества.

Ты засмеялась.

— Да уж, мистер...

— Зови меня Шон.

— А я Мария. Шон, но ты ведь так не считаешь, разве нет?

— Что люди ничтожества, за редким исключением? С чего бы мне так не считать?

— Ты проявил заботу, а забота бессмысленна, если ты самый обыкновенный мизантроп.

— Ну да. Зачем же мне было врать?

— По той же самой причине — ты проявляешь заботу. Ты мне поддакиваешь, утешаешь меня — говоришь, что тоже боишься летать. А когда я рассказала, что меня предали, утешаешь и говоришь, что в мире полно плохих людей.

— Ой! Вообще-то, я здесь психолог.

— Вот видишь, тебя даже профессия выдает. Осталось признать, что ты опровергаешь собственное утверждение. Как человек ты чего-то стоишь.

— Хотелось бы, чтобы это было так, Мария, но, боюсь, моя деланая забота — это лишь результат светского английского воспитания, и я не представляю никакой ценности ни для кого, кроме себя самого.

Почти незаметно ты повернулась ко мне на пару градусов.

— Тогда, Шон, ценность у тебя есть благодаря воспитанию. Ну и что? Ценность придают поступки, а не то, что ты думаешь и чувствуешь.

— По-моему, ты преувеличиваешь. Просто благодаря воспитанию мне не нравится нарушать правила адекватного поведения, на самом деле ни на какие жертвы я не иду. Я приспосабливаюсь и избегаю неприятных ситуаций.

— По крайней мере, ты ценен как психолог.

— Боюсь, тут я тоже тебя разочарую. Я не настолько умный и трудолюбивый, чтобы найти лекарство от шизофрении. И если самолет рухнет, мир лишится лишь довольно скучной статьи о confirmation bias¹ в научном журнале, который читает лишь горстка психологов, — вот и все.

¹ Необъективность восприятия (*англ.*).

— Кокетничаешь?

— Да, а еще я кокетничаю. Можно добавить к списку моих пороков.

Теперь ты искренне рассмеялась.

— И нет даже жены и детей, которые будут по тебе скучать, если тебя не станет?

— Нет, — коротко ответил я.

Так как сидел я у прохода, то не мог окончить разговор, просто-напросто отвернувшись к окну и притворившись, что ночью в темноте разглядел в Атлантическом океане что-то интересное. А взять журнал из кармашка в спинке переднего сиденья — это уже чересчур демонстративный поступок.

— Извини, — тихо произнесла ты.

— Все нормально, — ответил я. — Что ты имела в виду, когда сказала, что умрешь?

Наши взгляды встретились, и мы впервые друг друга увидели. И хотя, наверное, это попытка все объяснить задним числом, думаю, мы оба заметили то, благодаря чему уже тогда стали подозревать: эта встреча способна изменить все — да она уже все изменила. Может быть, ты как раз об этом думала, но отвлеклась — наклонилась ко мне, опираясь на подлокотник; ощутив запах твоих духов, я подумал о ней: это ее запах, она вернулась.

— Я покончу жизнь самоубийством, — прошептала ты и, откинувшись на сиденье, стала меня рассматривать. Не знаю, что было написано у меня на лице, но я видел: ты не врешь.

— И как ты собираешься это сделать? — вот и все, что я смог спросить.

— Рассказать?

Вопрос ты задала с загадочной, почти веселой улыбкой. Я задумался. Хочу ли я это услышать?

— Кстати, это неправда, — сказала ты. — Потому что, во-первых, я не буду лишать себя жизни — это уже случилось. Во-вторых, не я лишу себя жизни, а они.

— Они?

— Да. Я подписала договор...

Ты посмотрела на часы «Картье» — готов поспорить, подарок того самого Роберта. Он их подарил до того, как изменил, или после? После. Мелисса была не первой, он все время изменял.

— ...четыре часа назад.

— Они? — повторил я.

— Фирма, занимающаяся самоубийствами.

— Ты про... это как в Швейцарии? То есть активная эвтаназия?

— Да, но только более активная. И с той разницей, что тебя лишают жизни так, что это не выглядит как самоубийство.

— Да?

— Ты как будто мне не веришь.

— Я... да я просто удивился.

— Понимаю. Это должно остаться между нами, в договоре есть пункт о конфиденциальности, и, вообще-то, мне нельзя ни с кем об этом говорить. Просто мне...

Ты улыбнулась, и твои глаза тут же снова наполнились слезами.

— ...невыносимо одиноко. А ты незнакомец. И психолог. Вы же обязаны хранить врачебную тайну?

Я прокашлялся.

- Да, если речь о пациентах.
- Ну так я твой пациент. Вижу, сейчас у тебя есть время на консультацию. Доктор, сколько вы возьмете?
- Боюсь, Мария, так нельзя.
- Разумеется, нет, это же нарушает принятые в твоей профессии правила игры. Но как частное лицо ты ведь послушать можешь?
- Пойми: у меня возникнет этическая проблема, если человек собирается совершить самоубийство и доверится мне, а я даже не пытаюсь вмешаться.
- Ты не понимаешь: вмешиваться поздно, я уже умерла.
- Умерла?
- Договор не отменить, меня убьют в течение трех недель. Они заранее объясняют, что, когда ты ставишь на бумаге подпись, никакую тревожную кнопку уже не нажмешь. Существой у них такая кнопка — и потом мороки с юристами не оберешься. Так что, Шон, ты сидишь рядом с трупом.
- Ты засмеялась — на этот раз сухо и горько.
- Выпьешь со мной или будешь просто слушать?
- Ты протянула длинную худую руку к кнопке вызова персонала — в темном салоне как будто пискнул гидролокатор.
- Ладно, — согласился я. — Но советов я давать не буду.
- Хорошо. А ты обещаешь никому ничего не говорить даже после моей смерти?
- Обещаю, — сказал я. — Хотя не думаю, что тебе это будет важно.
- Вообще-то, важно. Если я нарушу пункт о конфиденциальности, они смогут через суд взыскать с ме-

ня кучу денег, и тогда организациям, которым я завещала, останутся одни крохи.

— Чем могу помочь? — спросила беззвучно материализовавшаяся возле нас стюардесса.

Наклонившись, ты заказала нам джин-тоник. Горловина свитера чуть приспустилась, я увидел бледную кожу и почувствовал, что у тебя не ее запах. У тебя запах чуть сладковатый, пикантный, как бензин. Да, бензин. И дерево — только я названия не помню. Запах почти мужской. Когда стюардесса погасила лампочку и ушла, ты сбросила ботинки, повернулась на бок, по-кошачьи поджала под себя ноги — из-за пары торчащих, покрытых нейлоном узких ступней мне на ум, естественно, пришла мысль о балете.

— Фирма, которая занимается самоубийствами, находится в Манхэттене, в красивом офисе, — сказала ты. — Там адвокатская контора; по их словам, у них все прописано на сухом юридическом языке, и я в этом не сомневаюсь. Например, они не убивают людей с психическими заболеваниями, а до подписания договора нужно пройти психиатрическую экспертизу. Еще нужно отменить страхование жизни — при наличии такового, — чтобы на них потом не подали в суд страховые компании. Есть много других оговорок, но самое важное — пункт о конфиденциальности. Добровольно заключенный договор между совершеннолетними сторонами в США имеет более широкие рамки, чем в большинстве других стран. Но вдруг об их деятельности станет известно и она получит огласку — естественно, они боятся, что из-за реакции общественности политики их прикроют. Они себя не реклами-

руют, их клиенты — исключительно состоятельные люди, которые узнали о них word of mouth¹.

— Понятно, почему они не высовываются.

— Разумеется, их клиенты тоже хотят сохранить тайну, ведь самоубийства считаются стыдным поступком. Как аборт. Клиники, которые делают аборты, ничего противозаконного не совершают, но на вывеске у них это не написано.

— И правда.

— И естественно, в основе бизнеса — секретность и стыд. Клиенты готовы выложить крупные суммы за то, чтобы умереть без физических и психических страданий и неожиданно, насколько это вообще возможно. Но главное, все произойдет так, чтобы ни семья, ни друзья, ни окружающие даже не заподозрили самоубийство.

— И как это происходит?

— Тебе этого, разумеется, не скажут — только то, что существует бесчисленное количество способов и что это случится в течение трех недель с момента подписания контракта. Примеров тоже не приводят, иначе мы — осознанно или нет — станем избегать определенных ситуаций, что вызовет совершенно ненужный и сильный страх. Единственное, о чем нам сообщают: это будет абсолютно безболезненно, и мы даже не поймем, что это вот-вот случится.

— Понимаю, кому-то, наверное, важно скрыть факт самоубийства, но тебе-то это зачем? Разве это, напротив, не способ отомстить?

— То есть Роберту и Мелиссе?

¹ С чужих слов (*англ.*).

Содержание

<i>Лондон. Перевод Д. Гоголевой</i>	5
<i>Ревность. Перевод А. Наумовой</i>	33
<i>Очередь. Перевод Д. Гоголевой</i>	163
<i>Мусор. Перевод Д. Гоголевой</i>	173
<i>Признание. Перевод Д. Гоголевой</i>	201
<i>Одд. Перевод Д. Гоголевой</i>	217
<i>Сережка. Перевод Д. Гоголевой</i>	263